

A Soviet-style illustration depicting an industrial scene. In the foreground, a woman in a headscarf and a man in a suit are looking at a large blue blueprint. Another man in a cap is working on a large metal pipe. In the background, a factory with smoking chimneys is visible under a blue sky. A red banner is positioned at the top right, and a blue circular graphic is on the left side.

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Сергей
Кара-Мурза**

**НАРОДНОЕ
ХОЗЯЙСТВО**

СССР

ЦИФРЫ, ФАКТЫ, АНАЛИЗ

Советский век

Сергей Кара-Мурза

**Народное хозяйство СССР:
цифры, факты, анализ**

«Алисторус»

2020

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

Кара-Мурза С. Г.

Народное хозяйство СССР: цифры, факты, анализ / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2020 — (Советский век)

ISBN 978-5-907351-53-0

В своей уникальной книге известный социолог, писатель и публицист С.Г. Кара-Мурза приводит огромное количество фактов, касающихся народного хозяйства СССР, благосостояния советского народа. Все факты строго выверены и основаны на данных государственной статистики Советского Союза, что придает особую ценность этой работе. Постсоветское общество расколото, и ни дубинкой, ни деньгами его не собрать, считает автор. Надо обращаться к разуму, совести и памяти людей, к нашему историческому опыту. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 323 (470+571)

ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-907351-53-0

© Кара-Мурза С. Г., 2020
© Алисторус, 2020

Содержание

Предисловие	6
О жанре книги	8
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Кара-Мурза
Народное хозяйство СССР:
цифры, факты, анализ

© Кара-Мурза С.Г., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Предисловие

Минуло двадцать лет с момента ликвидации СССР и двадцать лет реформ, доктрина которых предполагала кардинальную переделку всей хозяйственной, социальной и культурной системы.

Казалось невозможным, чтобы масса образованных людей в 1989–1991 гг. одобрила такую глубокую, катастрофическую реорганизацию всего народного хозяйства страны совсем без всяких аргументов. Однако рациональные аргументы были заменены мифами, они противоречили логике и здравому смыслу. Почему политически активная и образованная часть общества эти мифы приняла – особая большая проблема, которой мы здесь не будем касаться. Она требует еще интенсивных исследований, надежного диагноза этой культурной аномалии пока нет. Однако очевидна необходимость действий, заведомо полезных для «консервативного лечения», даже до получения полной картины болезни. Нужно снизить накал лихорадочного идеологического мифотворчества, ввести в общественное сознание охлаждающие стержни рациональной фактологии. Нам надо знать «анатомию и физиологию» и того хозяйственного организма, который пытаются переделать, и того, в который его пытаются переделать.

Особенно важно оставить такое знание нынешним подросткам – по ним ударят ураганы, зарожденные бабочками перестройки. Угрозы, посеянные в 90-е годы, только-только вызревают. Нынешние студенты для восприятия такого знания готовы: они уже не оболванены советским прекраснотушием, уже не тронуты либеральной утопией перестройки, их миновала контузия «лихих 90-х» и их мозги еще не успела промыть «реформированная школа».

Те, кто примет крест возрождения России, должны трезво и глубоко изучить большие системы, которые были построены в советское время – школу и промышленное предприятие, ЖКХ и колхоз, армию и Единую энергетическую систему и т. д. В них сконцентрирован примерно столетний опыт вхождения России в индустриальную и научную эпоху, но не имитационный вариант «модернизации», а опыт синтеза европейских институтов и технологий со сложной природной и культурной самобытностью России. В этом синтезе – много блестящих открытий и изобретений.

В царское время они не могли воплотиться из-за барьеров сословного общества, давления западного капитализма, низкого образовательного уровня массы и очень резких социальных и этнических различий. Эти барьеры были сняты русской революцией – с травмами и потерями, но она пробила туннель для выхода из исторической ловушки периферийного капитализма. Это и было в тот момент решением задачи, которую поставил России на XX век Д.И. Менделеев: «уцелеть и продолжить свой независимый рост». Советский строй этот шанс, данный историей, эффективно использовал – во временных рамках своего проекта. Были не только доработаны и реализованы заделы российской науки и практического знания, революция и последующий духовный взлет открыли принципиально новые ресурсы. Для них были созданы и принципиально новые социальные формы, что в системной совокупности и сделало возможным «русское чудо» – культурную революцию, индустриализацию и быструю модернизацию, строительство нового типа социального и межэтнического общежития, Великую Отечественную войну, космическую программу и др.

Знать это все надо не для политической борьбы и не для того, чтобы упиваться ностальгией. Чрезвычайной стала задача инженерная и прагматическая – Россия (да и все постсоветские республики) живет на этих унаследованных от СССР системах и других уже не построит – денег не хватит, да и не дадут ей такого шанса. Ее толкнут в коридор анклавного развития – оазисы модерна и постмодерна, окруженные беднотой, архаичным хозяйством и трущобами. РФ уже бредет по этому пути. Чтобы «уцелеть» и встать на ноги, Россия должна быстро привести в рабочее состояние и срочно модернизировать советские системы, изуродованные рефор-

мой и воровством. Они, на нынешнем этапе развития – лучшее из возможного, что путем перебора всех вариантов отобрали или усовершенствовали в XX веке наши ученые и инженеры, рабочие и колхозники, все труженики.

Знание об этих системах было в очень малой степени формализовано в учебниках, оно быстро утрачивается с уходом стариков, которые эти системы строили и лелеяли. Незнание систем, собственниками которых стала российская «буржуазия», тупость ее «менеджеров» поражают. Они не только не знают и не понимают социальных и производственных систем, они их ненавидят, они – экзистенциальные антиподы творчества и созидания. Эту профессиональную группу надо тщательно выращивать и воспитывать, но этим ни общество, ни государство по-настоящему еще и не начали заниматься. Да и сами они еще не определились.

Но и все мы в целом не можем похвастаться. Все мы, как культурная целостность, поразили мир. Всем нам надо основательно и хладнокровно обдумать и прошлое, и настоящее, и варианты будущего.

Хозяйство СССР было целостной *системой*, и оценивать результат ее реформирования надо учитывая судьбу всех частей этой системы, даже несмотря на то, что в ходе реформы она была расчленена. Бедствие вырванной из системы части (в данном случае республики и ее населения), не компенсируется благами, которые получило население другой части – бедствие и благо есть вещи несоизмеримые¹. Результат трансформирования системы (СССР) надо оценивать по балансу потерь и приобретений всех республик (в пределе – всех граждан), особо учитывая потери, превысившие критические пороги.

Например, в 1999 г. в РФ средняя реальная зарплата по своей покупательной способности составляла 34,9 % от уровня 1990 г. Жить можно! (Если не учитывать, как распределялась эта средняя зарплата между топ-менеджерами и рядовыми работниками). Но компенсировало ли это скромное благополучие тот факт, что в Таджикистане в середине 90-х годов реальная зарплата составляла 5 % от уровня 1990 года – и почти 10 лет не превышала 6 %? Нет, не компенсировало. И никакой ответственный человек не может игнорировать этого факта, оценивая результат реформирования хозяйства СССР. Даже отвлекаясь от страданий огромной массы граждан бывшего СССР, рационально мыслящий человек должен положить на весы своей оценки эту гирию.

Нам всем надо знать, что происходит в постсоветских республиках, как они пережили тяжелые травмы хозяйства и культуры, какие новые формы жизнеустройства испытали. Все они накопили ценный опыт, исходили много путей и тропинок, с разных сторон изучили и Запад, и Восток. Все они по-своему оценили прошлое. Это знание – большое богатство. Нас от него отводят скандалами и банальными репортажами, а для работы требуется знание инженерного типа – беспристрастное и точное.

Чтобы возродить историческую Россию, надо изучить процессы разделения и соединения людей по идеалам и интересам, найти язык для диалога. Постсоветское общество расколото, и ни дубинкой, ни деньгами его не собрать. Надо обращаться к разуму, совести и памяти людей, их способности предвидеть будущее.

Как скромный вклад в наше общее дело произведена эта книга.

¹ Точно так же, материальное благоденствие обогатившейся в ходе реформы социальной группы каждой республики не компенсирует страданий тех социальных групп, которые переживают бедствие или вообще выброшены из общества.

О жанре книги

Эта книга, хотя и авторская, может быть причислена к типу «белых» книг. Так называют издания, в которых представлены фактические сведения, а не мнения и оценки действительности. В данной книге излагаются почти исключительно статистически значимые факты, причем удостоверенные органами государственной статистики. Это факты, говорящие о развитии главных систем народного хозяйства СССР и материальном обеспечении (благополучии) населения.

В книге приводятся количественные, однозначно измеримые показатели, объективно характеризующие реальные результаты экономической деятельности и уровень жизни. Это – производство и потребление важнейших товаров и услуг по большей части в натуральном выражении, а также показатели ресурсообеспеченности хозяйственной деятельности, отражающие способность экономики к развитию.

По какому принципу отбирались показатели? Различают два типа хозяйственной деятельности, то есть производства и распределения продуктов и услуг. Их отличие сформулировал уже Аристотель. Один тип – *натуральное* хозяйство или *экономия*, что означает «ведение дома», материальное обеспечение экоса (дома) или полиса (города). Это – производство и торговля в целях удовлетворения потребностей. Другой тип хозяйства Аристотель назвал *хрематистика* (сегодня говорят *рыночная экономика*). Это – хозяйственная деятельность, целью которой является *прибыль*, накопление богатства.

Мы живем в переходный период – советское хозяйство реформируется. На постсоветском пространстве предпринята попытка сменить тип хозяйства – перейти от хозяйства ради удовлетворения потребностей к хозяйству ради получения прибыли. Это сопровождается сменой понятий, в которых нам объясняют экономические явления, а также показателей, в которых измеряются результаты хозяйственной деятельности. При этом возникают трудности в понимании. Люди, которые по привычке продолжают считать, что производство существует ради удовлетворения потребностей, ищут привычных *натуральных* показателей – сколько собрано зерна, сколько добыто нефти или построено жилья.

Из этого принципа исходило и советское планирование: зная примерно, сколько в будущем году родится младенцев, планировали производство детских колясок. Если же производство ориентировано на прибыль, а не на потребность, то предприятие оценивает *платежеспособный спрос*. Потребность населения, не обеспеченная покупательной способностью, производителя не интересует.

Поэтому главными показателями становятся не степень удовлетворения потребности, не обеспечение колясками младенцев, а *движение денег* — рентабельность (прибыльность), накопления, цена денег (кредита), а для страны и государства – валовой внутренний продукт (ВВП), сбалансированность бюджета, размер долга. Все это показатели не натуральные, не абсолютные, а вытекающие из принятой в данный момент экономической теории и системы оценок.

В этой книге мы исходим из того, что с точки зрения общества, отдельной семьи или личности главная цель народного хозяйства – *жизнеобеспечение* граждан и страны. Другими словами, производство материалов, энергии, изделий и услуг в таком ассортименте и в таком количестве, чтобы были удовлетворены как минимум все жизненно необходимые потребности и гарантировано воспроизводство жизни граждан, их семей и будущих потомков, народов и самой страны как независимого государства. Так понималась цель экономики в СССР, так она понимается и большинством граждан постсоветских республик. К этому большинству и обращена эта книга.

В какой степени достигается эта главная цель, можно судить только по абсолютным, не зависящим от теоретических интерпретаций показателям, то есть по показателям *натуральным*. Тонна стали или удобрений, выпущенный заводом трактор или поданный в жилище киловатт-час электроэнергии – абсолютные, однозначно понимаемые количества вполне определенных жизненных благ. Они создают условия для существования людей и страны, не зависящие от господствующей идеологии или политического режима.

Разумеется, наличием этих абсолютных благ ни счастье, ни даже благосостояние людей еще не обеспечивается – потребности людей широки и растут безгранично. Когда удобрений, стали и энергии в стране достаточно, мы в нормальном состоянии даже не замечаем этих благ. Иное дело, когда их производство сокращается, и все большее число предприятий или жилищ начинают терпеть их нехватку. Тогда именно эти, критически важные средства жизнеобеспечения становятся для нас главными, а потребности «более высокого уровня» отступают на второй план. В таком положении находятся сейчас постсоветские страны и очень большая часть семей их граждан.

Поэтому в данной книге представлены натуральные показатели производства именно базовых отраслей – своеобразного «скелета» народного хозяйства. В небольшой книге невозможно представить весь набор даже важнейших производств, но все хозяйство настолько тесно связано в систему, что выбранный перечень критически важных продуктов дает грубую, но в целом верную картину общего состояния дел в хозяйстве.

Приведенные в книге данные достаточно надежны. В публичной политике нередко манипуляции со статистикой, но они всегда имеют «точечный» характер – применяются неоднозначно трактуемые показатели, замалчиваются или выпячиваются отдельные цифры, искажается их смысл, дается неверное толкование. Но невозможно целенаправленно исказить длинный временной ряд натуральных показателей, поскольку все они взаимосвязаны.

Например, чтобы подтасовать за 30 лет сведения о жилищном строительстве, надо было бы все это время вести сложнейшие расчеты ложных показателей производства, экспорта и импорта цемента, оконного стекла, унитазов и т. д. Технически это невозможно – даже если бы правительство по какой-то причине решило вести двойную бухгалтерию в масштабах всего народного хозяйства.

Из огромного количества показателей, отражающих состояние хозяйства и жизнь страны, мы смогли отобрать и привести в книге лишь очень малую часть. Эта часть, однако, вполне отражает главные векторы и масштабы процессов, идущих в народном хозяйстве. Этот вывод подкрепляется тем, что динамика отобранных показателей является типичной. Можно брать сотни и сотни других товаров, изделий, видов сырья или материалов – и динамика изменений их производства или добычи будет очень близка к той, которая характерна для нашей выборки. В каком-то производстве положение чуть лучше или чуть хуже, но по своему типу картина изменений будет та же самая.

При отборе примеров мы исходили из двух критериев. Во-первых, брали ключевые, системообразующие производства, то есть такие, чья продукция необходима для работы большого числа других производств или даже всего хозяйства в целом. Это, например, добыча энергоносителей, производство цемента или тракторов, железнодорожный транспорт.

Во-вторых, мы брали производства, которые самым очевидным образом составляют основу жизнеобеспечения людей, населения. Производство хлеба и молока, электроэнергии и ситца, книг и лекарств, строительство жилья – вот примеры таких производств. В конце концов, первейшая цель хозяйства – обеспечить население страны совокупностью таких жизненно важных благ.

В статистических ежегодниках и сборниках данные, ради экономии места, приводятся в компактной форме *таблиц*. В книге, в целях наглядности, их представили в форме *графиков*, построенных из данных за много лет. Так получились достаточно длинные временные ряды,

которые позволяют видеть состояние того или иного производства с момента создания СССР или даже с начала XX века – вплоть до 2009 г., а в некоторых случаях и до 2010 г. включительно. Данные за 1991–2010 гг. отражают процессы, происходящие в СНГ – как в совокупности республик, так и по отдельным республикам. Эти данные приводятся для того, чтобы представить, что происходит в ходе реформы с хозяйственными системами, сложившимися в советское время. Драма их переделки по шаблонам западного капитализма – огромный исторический эксперимент, и полученное в его ходе знание надо собрать и освоить.

На части графиков, когда больший интерес представляет не абсолютная величина какого-то показателя, а направление и динамика его изменения, натуральные величины переведены в индексы, вычисленные относительно какой-то базовой величины (например, валовая продукция производства данной отрасли или производство данного конкретного продукта относительно уровня 1940 года). При длинных временных рядах точность вычисления индексов снижается, но в таких пределах, что это не изменяет основных параметров кривой. Такой график – достаточно верная картина истории развития отрасли или производства.

После 1991 года в методике национальных органов статистики происходили изменения, и данные часто корректировались и в разных справочниках нередко различаются. Когда это удавалось, использовались данные новых справочников. Однако возникающие при таких коррекциях расхождения невелики и не влияют на форму кривых и на общий образ графиков.

Мы избегали использовать расчетные («непрозрачные») показатели – ВВП, инвестиции, индексы производства целых отраслей и т. п. Однако они полезны, чтобы увидеть, в какой мере и как быстро удастся республикам преодолевать «свой» кризис 90-х годов. Этому служат графики, показывающие динамику *индексов* показателей. Важно не принимать эти *индексы* за выражение *абсолютных величин* и учитывать, что база, от которой вычисляется индекс, у разных республик может сильно различаться. Кроме того, структура производства в республиках различается, а при резких колебаниях цен это затрудняет сравнение индексов. Точные данные надо искать в таблицах ежегодников или сборников республик, в основном в форме натуральных показателей.

Для части производств данные за некоторые годы отсутствуют (иногда они сообщались в справочниках только за последний год пятилетки или в среднем за пятилетку). Такие участки остаются без точек. При этом, конечно, теряются нюансы, но выявить общий ход процесса это не мешает.

Представляя «жесткие», натурные показатели, автор сопровождал их самыми минимальными комментариями, включая добавочные сведения, чтобы не усложнять этими сведениями графики и не увеличивать число рисунков.

Однако трудно комментировать цифры, отражающие драматические изменения нашей жизни, и никак не выразить своего отношения к ним. Такие отступления я старался свести к минимуму. Прошу прощения, если это не вполне удалось, но фактические данные достаточно наглядны, чтобы каждый мог судить о них сам, исходя из своих интересов и представлений о добре и зле.

Глава 1

Миф об экономическом кризисе в СССР

Элита советских экономистов и их консультантов, которая в конце 80-х годов разрабатывала доктрину реформ, сдвинулась от рационального к мифологическому сознанию. Очевидно, были и теневые политические и экономические цели, но их невозможно было бы достигнуть без идеологической подготовки общественного сознания.

Экономическое мифотворчество само по себе стало фундаментальной угрозой для всего народного хозяйства. Мифом стал сам *рынок*, который предполагалось построить из обломков советского хозяйства. Кредо реформаторов в 80-е годы сводилось к следующему: *«Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу»*.

В таком явном виде эта формула стала высказываться лишь после 1991 г., до этого люди, еще не увлеченные антисоветским миражем, в нее бы просто не поверили – настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг себя в 70—80-е годы. Даже академик А.Д. Сахаров, который в среде демократической интеллигенции считался интеллектуальным лидером анти-советских диссидентов, писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится – весь исторический опыт свидетельствует об обратном» [1].

Подобные предупреждения, даже от ученых и политиков, советских и западных, игнорировались, идеологическая машина была запущена на полную мощность и после 1991 года уверенность, что советская экономика с начала 80-х годов катилась к катастрофе, стала превращаться в непререкаемую догму. В западной социальной философии этому явлению даже был присвоен термин: «ретроспективный детерминизм». Неизбежность, предсказанная задним числом!²

А.Н. Яковлев в 2001 г. оправдывался задним числом: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, – мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» [2].

Это утверждение А.Н. Яковлева, если его принимать всерьез, представляет горбачевскую бригаду реформаторов в очень невыгодном свете. Грубо говоря, он обвиняет эту бригаду, включая себя самого, в лживости. Ведь в 1988 г. сам Яковлев публично заявлял прямо противоположное тому, что сказал в 2001 г., а именно: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления... Мы можем это сделать, **наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень**» (выделено мною. – С.К-М).

Если он говорил это в тот момент, когда Политбюро действительно считало, что «мы стояли перед катастрофой, прежде всего экономической», то он поступал как сознательный вредитель. Но, скорее всего, ничего подобного в 1988 г. в Политбюро не говорилось, и никаких признаков катастрофы Яковлев не видел.

² Американский советолог Стивен Коэн в большой статье анализирует аргументы всех вариантов концепции «смертельного кризиса» советской системы (начиная с нэпа) и делает вывод: «У нас не осталось больше теоретических или концептуальных оснований утверждать, что советская система была неререформируемой и, значит, как стало принято говорить, «обреченной» с самого начала горбачевских реформ. На самом деле, если тщательно изучить те перемены, которые произошли в Советском Союзе в период «перестройки» – особенно в 1985–1990 годах, то есть до того, как кризисы дестабилизировали страну, – то окажется, что система была замечательно реформируемой» [4].

Строго говоря, эта книга и есть выполнение разумного призыва А.Н. Яковлева – «взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой». Более того, мы в этой книге «берем статистику» с 1918 года, а иногда и с конца XIX века.

21 апреля 2004 г. подобные откровения сделал в публичной лекции член одной из трех групп реформаторов-теоретиков, В. Найшуль. Он сказал: «Реформа – это всегда какой-то умственный продукт, и реформы 90-х годов, по крайней мере, в их экономической части – это умственный продукт группы, членом которой я был.

В конце 70-х годов не только наша группа, но и еще несколько толковых человек в Госплане знали, что страна находится в смертельном экономическом кризисе... Точка, в которой чувствуются все проблемы плановой экономики, – это Госплан. Госплан лихорадило, лихорадило не как организацию, а как схему работы – Госплан все время пересчитывал собственные планы. Итак, в конце 70-х годов в Госплане ощущалось, что система находится в кризисе, из которого у нее, по всей видимости, нет выхода...

Выход был в децентрализации. Децентрализация – все с этим соглашались, но дальше надо было додумать. Может быть, потому что мы были математиками, людьми со свободной головой для логического анализа, ясно было, что отсюда следуют свободные цены. Если у нас свободные цены, то возникает вопрос о собственности. Мы получаем, что необходима частная собственность, а необходимость частной собственности предполагает приватизацию» [3].

Разберем аргументы Найшуля.

– «*Несколько толковых человек*» считают, что «*страна находится в смертельном экономическом кризисе*».

Это мнение нетривиальное, и Найшуль, как «толковый человек», тем более получивший высшее образование, обязывающее следовать нормам рациональных утверждений, должен был обосновать свой странный тезис развернутыми аргументами. Однако видимых симптомов смертельной болезни советской экономики Найшуль не называет. Рациональных доводов он не приводит, хотя они необходимы, ибо множество других толковых людей вовсе не считали, что «*страна находится в смертельном экономическом кризисе*». Общепринятые показатели (динамика капиталовложений, рост производства, потребления и даже производительности труда) не предвещали не только смерти, но даже и тяжелого кризиса. Попробуйте сегодня найти тексты тех лет, в которых была бы внятно обоснована неминуемая гибель советской экономики.

– «*Госплан лихорадило*». Причем лихорадило не как организацию, а как схему работы(?). Это заключалось в том, что «*Госплан все время пересчитывал собственные планы*».

Ну и что? В факте пересчета планов не видно признаков гибели. В меняющемся мире всегда приходится «пересчитывать собственные планы» и было бы странно, если бы Госплан этого не делал – это прямо входило в его обязанности.

Конечно, если прежние методы планирования не отвечали возросшей к концу 70-х годов сложности хозяйства, можно предположить, что возникли симптомы *кризиса метода*, который разрешается посредством создания нового инструментария, а не разрушением объекта. Как из этого следует, что «*по всей видимости, нет выхода*»? Никак не следует, это просто глупое утверждение. И уж никак из сказанного не следует, что «*эта система не выживает*».

Скорее всего, Найшуль придумал это задним числом – почитайте сегодня все статьи этих теоретиков, относящиеся к концу 70-х годов (включая статьи редактора журнала «Коммунист» Е. Гайдара).

– Но допустим, что «несколько толковых человек» действительно прозрели признаки кризиса. Что делают в таком случае разумные люди? Ставят диагноз, составляют перечень альтернативных подходов к лечению, вырабатывают критерии выбора лучшего варианта и доказывают его преимущества. Но Найшуль пропускает все необходимые стадии работы и изрекает: «*Выход в децентрализации!*» Почему, откуда это следует? Ниоткуда, никакой логики в этом нет.

Что понимает Найшуль под «децентрализацией»? Вовсе не сокращение плановых воздействий на периферийную часть хозяйства с сосредоточением усилий планирования на ядре экономики (ключевых отраслях и предприятиях). Напротив, по его понятиям децентрализация – это уничтожение именно **ядра** экономической системы, а затем и *приватизация*. Это не реформа, а революционное уничтожение системы. Сначала без всяких оснований утверждают, что человеку грозит смертельная болезнь, а потом на этом основании его убивают.

Как сказано, А.Д. Сахаров не видел признаков экономического кризиса. Можно предположить, что бригада экономистов-реформаторов не считала его «толковым человеком», поскольку он был неискушен в экономике. Но вот ретроспективный анализ экономического состояния СССР, обобщенный в статье экономиста из МГУ Л.Б. Резникова: «Исключительно важно подчеркнуть: *сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной*. Падение темпов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема» [5].

На Западе отсутствие кризиса в экономике СССР было зафиксировано не только в докладах ЦРУ, опубликованных позже, но и в открытых работах американских экономистов. Л.Б. Резников цитирует американских экономистов М. Элмана и В. Конторовича, специализирующихся на анализе советского хозяйства, авторов вступительной статьи к книге «Дезинтеграция советской экономической системы» (1992). Они пишут: «В начале 80-х годов как по мировым стандартам, так и в сравнении с советским прошлым дела... были не столь уж плохи».

Ухудшаться они стали именно под воздействием вносимых в ходе перестройки изменений. По данным тех же американских экономистов, «если в 1981–1985 гг. среднегодовой бюджетный дефицит составлял всего 18 млрд. руб., то в 1986–1989 гг. – уже 67 млрд. В 1960–1987 гг. в среднем за год выпускалось в обращение 2,2 млрд. руб., в 1988 г. – уже 12 млрд., в 1989 г. – 18 млрд., а в 1990 г. – 27 млрд. руб.» [5].

В действительности никакого экономического кризиса в советском хозяйстве не было до тех пор, пока не была начата реформа, означавшая отход от принципов плановой экономики. С 1987 года экономика СССР шаг за шагом переставала быть советской.

Первым этапом реформы стало **разрушение финансовой системы и потребительского рынка**. В советском государстве действовала особая финансовая система из двух «контуров». В производстве общались *безналичные* (в известном смысле «фиктивные») деньги, количество которых определялось межотраслевым балансом и которые погашались взаимозачетами. По сути, в СССР отсутствовал финансовый капитал и ссудный процент (деньги не продавались). На рынке потребительских товаров обращались нормальные деньги, получаемые населением в виде зарплаты, пенсий и т. д. Их количество строго регулировалось в соответствии с массой наличных товаров и услуг. Такая система могла действовать при жестком запрете на смешение двух контуров (запрете на перевод безналичных денег в наличные).

Второй особенностью была принципиальная *неконвертируемость* рубля. Масштаб цен в СССР был совсем иным, нежели на мировом рынке, и рубль мог циркулировать лишь внутри страны (это была «квитанция», по которой каждый гражданин получал свои дивиденды от общенародной собственности – в форме низких цен). Поэтому контур *наличных* денег должен был быть строго закрыт по отношению к внешнему рынку государственной монополией внешней торговли.

«Закон о государственном предприятии» (1987 г.) вскрыл контур безналичных денег – было разрешено их превращение в наличные. Созданные тогда «центры научно-технического творчества молодежи» (ЦНТТМ) получили эксклюзивное право на обналичивание безналичных денег (ЦНТТМ называли «локомотивами инфляции»)³.

³ Например, один из первых коммерческих банков, «Менатеп», до превращения в банк назывался – ЦНТТМ «Менатеп»

Одновременно была отменена монополия внешней торговли. С 1 января 1987 г. право проводить экспортно-импортные операции было дано 20 министерствам и 70 крупным предприятиям. Через год было ликвидировано Министерство внешней торговли СССР и учреждено Министерство внешнеэкономических связей СССР, которое теперь лишь «регистрировало предприятия, кооперативы и иные организации, ведущие экспортно-импортные операции». Законом 1990 г. право внешней торговли было предоставлено и местным Советам.

Согласно «Закону о кооперативах» (1988 г.), на предприятиях и при местных Советах возникла сеть кооперативов, занятых вывозом товаров за рубеж, что резко сократило их поступление на внутренний рынок. Многие товары при спекуляции давали выручку до 50 долларов на 1 рубль затрат и покупались у предприятий «на корню»⁴. Некоторые изделия (например, алюминиевая посуда) превращались в удобный для перевозки лом и продавались как материал.

При плановой системе поддерживалось такое распределение прибыли предприятий (для примера взят 1985 г.): 58 % вносится в бюджет государства, 38 % оставляется предприятию, в том числе 15 % идет в фонды экономического стимулирования (премии, надбавки и т. д.). В 1990 г. из прибыли предприятий в бюджет было внесено 45 %, оставлено предприятиям 43 %, в том числе в фонды экономического стимулирования 40 %. Таким образом, были существенно сокращены взносы в бюджет, но в 2,7 раза увеличены выплаты персоналу и почти ничего не осталось на развитие предприятия (см. табл. 1–1).

Кроме того, предприятия получили свободу ценообразования и формирования ассортимента. Вот выдержка из записки отделов ЦК КПСС, которая обсуждалась на Политбюро ЦК КПСС 29 октября 1988 г.: «Выпуск новых товаров с более высокими розничными ценами сопровождается снятием с производства и «вымыванием» из ассортимента недорогих добротных товаров, пользующихся спросом... Выпуск товаров по более высоким ценам, обеспечивая прирост объема производства в стоимостном выражении, зачастую сопровождается сокращением выпуска товаров в натуральном выражении... На ряде предприятий сокращение объемов производства в натуре достигает 20–25 % и более.

По данным Госкомстата СССР, рентабельность товаров, реализуемых по договорным ценам, в 3 раза выше средней сложившейся и превышает 60 % к себестоимости. По шелковым тканям она достигает 81 %, бельевому трикотажу – 97 % и чулочно-носочным изделиям – 104 %» [6].

Таблица 1–1. Распределение прибыли промышленных предприятий в СССР

	1985	1989
Получено прибыли — всего	100	100
внесено в бюджет	58	45
оставлено в распоряжении предприятия	38	43
в том числе отчислено в фонды экономического стимулирования	15	40

Произошел скачкообразный рост личных доходов вне всякой связи с производством. Ежегодный прирост денежных доходов населения в СССР составлял в 1981–1987 гг. в среднем 15,7 млрд. руб., а в 1988–1990 гг. составил 66,7 млрд. руб. В 1991 г. лишь за первое полуго-

при Фрунзенском РК КПСС.

⁴ Вот пример: зимой 1991 г. к премьер-министру В.С. Павлову обратилось правительство Турции с просьбой организовать по всей территории Турции сеть станций технического обслуживания советских цветных телевизоров, которых имелось уже более миллиона. Между тем, по официальным данным, из СССР в Турцию не было продано ни одного телевизора.

дые денежные доходы населения выросли на 95 млрд. руб. (при этом зарплата в производстве выросла всего на 36 %).

Такой рост доходов при одновременном сокращении товарных запасов в торговле привел к краху потребительского рынка («товары сдуло с полок»). Были введены талоны на получение водки, сахара, ботинок. Был резко увеличен импорт. До 1989 г. СССР имел стабильное положительное сальдо во внешней торговле (в 1987 г. 7,4 млрд. руб.), а в 1990 г. было отрицательное сальдо в 10 млрд. руб.

Оттянуть развязку правительство пыталось за счет дефицита госбюджета, внутреннего долга и продажи валютных запасов. Дефицит госбюджета СССР составлял в 1985 г. 13,9 млрд. руб.; в 1990 – 41,4; а лишь за 9 месяцев 1991-го – 89 млрд. (только за июнь 1991 г. он подскочил на 30 млрд.). В 1989 г. госбюджет РСФСР имел превышение доходов над расходами в 3,9 млрд. руб., в 1990 дефицит составил 29 млрд. руб., в 1991 г. 109,3 млрд. руб.

Государственный *внутренний* долг СССР возрастал следующим образом: 1985 – 142 млрд. руб. (18,2 % ВВП); 1989 – 399 млрд. руб. (41,3 % ВВП); 1990 – 566 млрд. руб. (56,6 % ВВП); за 9 месяцев 1991 он составил 890 млрд. руб.

Золотой запас, который в начале перестройки составлял 2000 т, в 1991 г. сократился до 200 т. *Внешний* долг, который практически отсутствовал в 1985 году, в 1991 г. составил около 120 млрд. долл.

В «Программе совместных действий кабинета министров СССР и правительств суверенных республик...» (10 июля 1991) было сказано: «Социально-экономическое положение в стране крайне обострилось. Спад производства охватил практически все отрасли народного хозяйства. В кризисном состоянии находится финансово-кредитная система. Дезорганизован потребительский рынок, повсеместно ощущается нехватка продовольствия, значительно ухудшились условия жизни населения. Кризисная обстановка требует принятия экстренных мер с тем, чтобы в течение года добиться *предотвращения разрушения народного хозяйства страны*».

Таким образом, **кризис был создан политическими решениями 1987–1990 годов** – эти решения и означали начало реформы. В открытую фазу кризис перешел в 1990 году. До этого никакого кризиса в СССР не было, и даже все крупные экономические кризисы мировой капиталистической системы с 1930 года советская экономика прошла без заметных негативных последствий.

Почему следует сегодня вернуться к этой проблеме? Есть несколько причин.

Первую можно отнести к суевериям. Чувствуется, что нельзя оставить позади обогнанное народное хозяйство СССР без восстановления истины в самых грубых главных чертах, такие вещи не прощаются никому.

Вторая причина – методологическая. В 1990–1991 гг., когда был запущен миф о смертельном кризисе советской экономики, который якобы был очевиден «толковым людям» уже с конца 70-х годов, были неоднократные попытки выяснить у этих людей, в ранге от младшего научного сотрудника до академика, каковы *эмпирические индикаторы* и *критерии*, которые позволяют им сделать такой важный вывод. Эти вопросы задавались в профессиональной среде без всякой задней мысли и без политического интереса.

Не приходилось слышать или читать разумных ответов на эти вопросы. Тогда это вызвало тревогу – что происходит с людьми? Но круговорот событий не оставил времени, чтобы заняться методологической проблемой. Однако она носит фундаментальный характер, и если в ней не разобраться сегодня, российское общество так и останется слепым, без рациональных инструментов оценки состояния народного хозяйства. Тогда слишком большая часть общества, особенно интеллигенции и, что еще важнее, правящего слоя, искренне поверили в миф. Страна заплатила за это огромную цену. Но недопустимо верить в подобные мифы и через двадцать лет драматического опыта! Если слепой ведет слепого, оба упадут в яму.

На конференции в Давосе (январь 2009 г) премьер-министр РФ В.В. Путин высказался против усиления роли государства в экономике и так сослался на опыт СССР: «В Советском Союзе в прошлом веке роль государства была доведена до абсолюта. Что, в конце концов, привело к тотальной неконкурентоспособности нашей экономики, мы за это дорого заплатили. Этот урок нам дорого обошелся».

Это – клише, которым оправдывает свой провал Горбачев. Что значит «роль государства была доведена до абсолюта»? Как это измерено? Во многих отношениях роль государства замечалась гражданами до перестройки гораздо меньше, чем сегодня – все системы и институты работали «как бы сами собой». А сейчас месяца не проходит, чтобы государство не огорошило нас какой-нибудь странной инициативой или программой. Одна только идея «построить русскую Силиконовую долину» чего стоит.

И что значит «тотальная неконкурентоспособность нашей экономики»? Эта странная формула вызывает крайнее недоумение. Неужели советники В.В. Путина не рассказали ему, что в Советском Союзе была плановая экономика, то есть, нечто вроде натурального хозяйства в масштабе страны? Это экономика, предназначенная не для извлечения прибыли на рынке, а для удовлетворения потребностей страны и народа. Другими словами, конкуренция на мировом рынке не играет в этой экономике существенной роли, а значит, *категория конкурентоспособности*, присущая рыночной экономике, к советскому хозяйству была просто неприменима.

В качестве абстракции можно представить себе, как бы выглядели многие продукты советской экономики на гипотетическом *свободном* рынке. Оказывается, они были бы в высшей степени конкурентоспособны. Возьмем хотя бы автомат Калашникова, ракетно-ядерное оружие, космическую технику, нефть и газ, электрическую энергию, алюминий и минеральные удобрения, услуги транспорта. Не будем вспоминать о Великой Отечественной войне, которая была именно абсолютным экзаменом только-только поднимающейся советской экономики (сравните ее мысленно с нынешней экономикой Вексельберга и Дерипаски в условиях аналогичной войны).

И вот другой реальный экзамен на конкурентоспособность – приватизация. Мы помним, какая драка поднялась между теневыми и преступными кликами за то, чтобы урвать куски советской «неконкурентоспособной» экономики при ее дележе в 90-е годы. Надо спросить Абрамовича, доволен ли он своим куском, не подвел ли он его на мировом рынке.

Интересно, кто из наших рыночных мыслителей посоветовал В.В. Путину вставить этот пассаж в его давосскую речь.

В Отчете Правительства перед Государственной Думой 20 апреля 2010 г. В.В. Путин так сказал о советской экономике: «Действительно, мы много добились в советское время, и я далеко не отношусь к категории людей, которые все охаивают... Но факт остается фактом. Ну развалилась экономика, неэффективны эти методы управления экономикой!»

Несомненно, В.В. Путин искренне верит в то, что советская экономика *развалилась*. Но ведь он, глава Правительства страны, которая унаследовала системы советской экономики и буквально *живет* с этого наследства, должен был бы исследовать этот необычный феномен. Что значит «экономика развалилась»? Каковы эмпирические проявления этого процесса? Каковы его симптомы, позволяющие предвидеть зарождение этой странной аномалии?

Иными словами, В.В. Путин по своему должностному положению просто обязан ясно и достаточно полно обосновать свое утверждение. Тот факт, что депутаты кивают ему и молчат или аплодируют, за доказательство «теоремы Путина» принять нельзя. Хотелось бы, чтобы приведенные в этой книге данные помогли В.В. Путину найти убедительные свидетельства в пользу своего утверждения или отказаться от него и составить себе верное представление о советской экономике.

Причин развала СССР, достоинств и недостатков его хозяйства и социальной системы мы здесь не касаемся – это другая тема, о ней особый разговор. Здесь речь идет о том, что миф, поддержанный СМИ, может стать «вирусом», разрушающим программы рационального мышления. Это проблема методологии.

Вспомним заявление А.Н. Яковлева о том, что, согласно статистике хозяйства перед перестройкой, «мы стояли перед экономической катастрофой». Это заявление, видимо, следует считать пропагандистской акцией академика от экономики. Скорее всего, он статистики не смотрел. Каждый может сегодня «взять статистику» и убедиться, что главные экономические показатели середины 80-х годов никакой катастрофы не предвещали. Первые признаки кризиса обнаруживаются в 1990 г. В табл. 1–2 показаны массивные, базовые показатели, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в этих показателях не сомневался и не сомневается.

Таблица 1–2. Основные экономические показатели СССР за 1980–1990 гг. (данные ЦСУ СССР)

	1980	1985	1986	1987	1988	1990
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд. руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд. руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд. руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд. руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн. кв. м	105	113	120	131	132	129
Мощность электростанций, млн. кВт	267	315	322	332	339	341

Но таблица дает грубую, разрозненную картину. Приведем ряд показателей в динамике – или *натуральных величин*, или *индексов* их роста и падения.

Вот первый график – динамика рождаемости в РСФСР, выраженной суммарным коэффициентом рождаемости (рис. 1–1). Он показывает, сколько детей в среднем родила бы одна женщина за весь детородный период своей жизни, если бы сохранился постоянным уровень рождаемости данного года. В преддверии экономической катастрофы этот коэффициент, как правило, падает – рождаемость сокращается из-за предчувствия трудных времен.

Этот показатель приводится для РСФСР-РФ потому, что в советской статистике он не публиковался, а теперь рассчитывается задним числом. В 1969–1970 гг. в СССР суммарный коэффициент рождаемости был равен 2,389, а в 1978–1979 – 2,285 рождений в расчете на 1 женщину [7].

В РСФСР и СССР в целом в 60–70-е годы происходил демографический переход, типичный для периодов индустриализации и урбанизации – снижалась и рождаемость, и смертность. Но в 80-е годы система стабилизировалась, и до 1988 г. суммарный коэффици-

ент рождаемости в РСФСР возрастал и достиг значения 2,2. Для городской страны это хороший показатель. Резкое его падение, переросшее в 90-е годы в демографическую катастрофу, наблюдается именно с начала реформы – с 1988 года. Эта катастрофа адекватна кризису, который поразил хозяйство, социальную сферу и культуру.

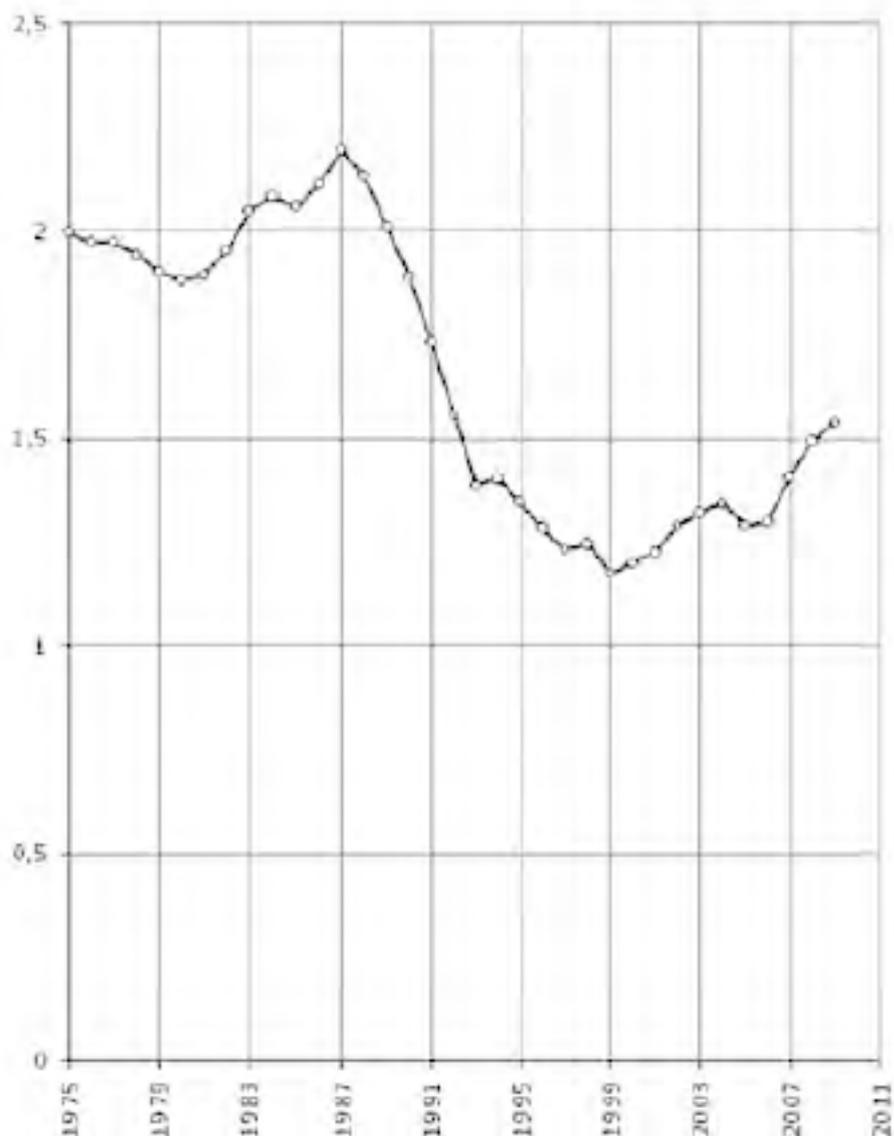

Рис. 1–1. Суммарный коэффициент рождаемости в РСФСР-РФ

Но для нас здесь важно то, что признаков кризиса *накануне перестройки* этот показатель не обнаруживает.

Вплоть до 1988 г. увеличивался и другой важный показатель – ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Он также стал снижаться с *началом реформы* (рис. 1–2).

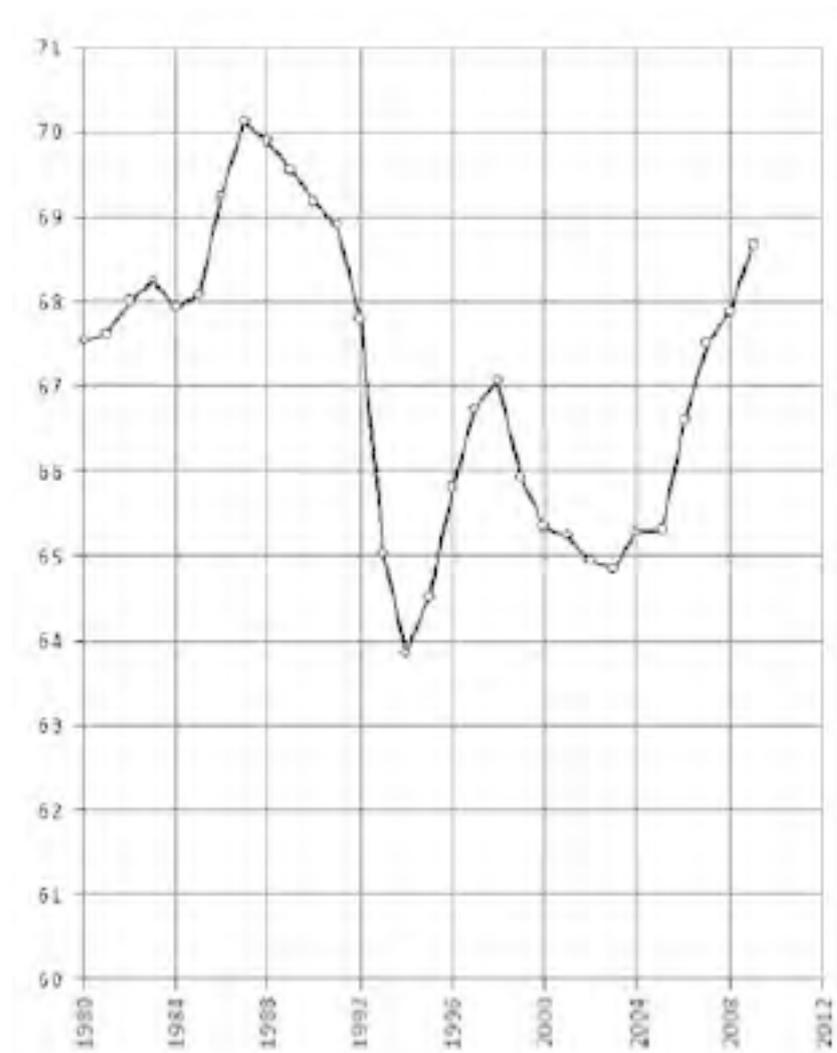

Рис. 1–2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в РСФСР-РФ, лет (шкала растянута и начинается не с нуля, а с 60)

График на рис. 1–3 представляет динамику объема *капиталовложений* (инвестиций) в народное хозяйство СССР в сопоставимых ценах. Из графика видно, каков масштаб того хозяйства, которое было создано за 1960–1988 годы. Очень многие этого просто не представляли себе, живя «внутри» того времени.

Но для нас здесь важнее не величина экономики, а *вектор* процессов. При первых признаках кризиса форма кривой этого графика должна была бы резко измениться. Поскольку экономический эффект от инвестиций отложен на довольно длительный срок, при первых признаках кризиса средства для его смягчения всегда изымаются именно из инвестиций. Они могут «потерпеть», а цепной процесс кризиса надо блокировать в ранней стадии (это наглядно продемонстрировал и кризис в РСФСР-РФ, начиная с 1991 года). Напротив, динамика инвестиций в СССР не обнаруживает никаких признаков кризиса, тем более катастрофы.

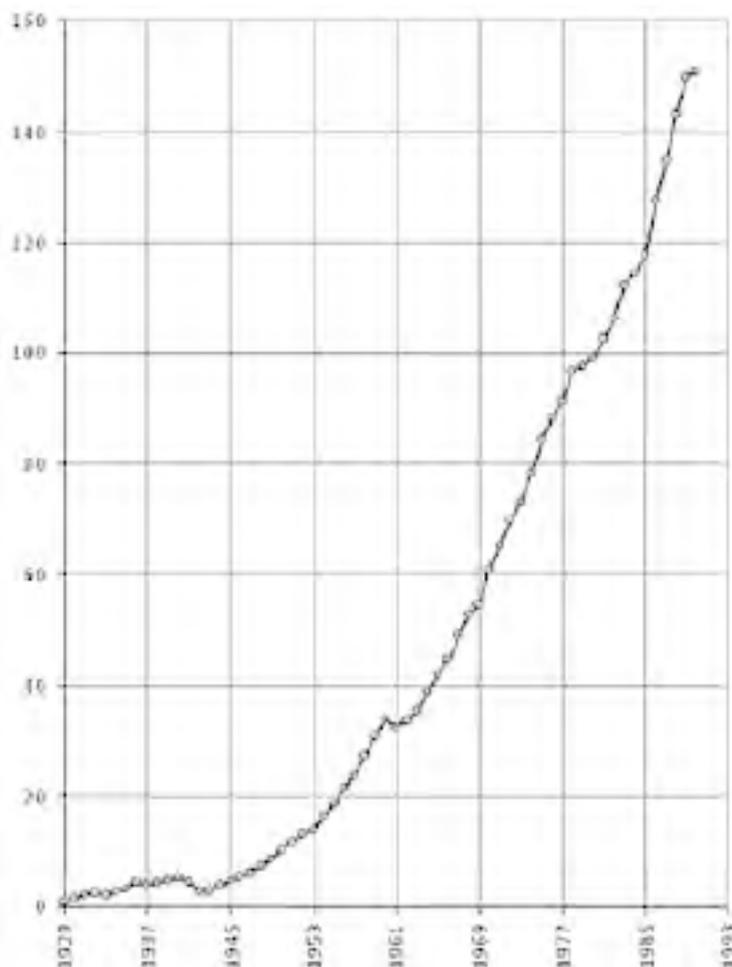

Рис. 1–3. Объем капитальных вложений по народному хозяйству СССР, млрд. руб (в сопоставимых ценах на 1 июля 1955 г.)

На рис. 1–4 показана динамика трех важных показателей с 1940 по 1990 год – индексов *инвестиций*, *национального дохода* и *розничного товарооборота* (относительно уровня 1940 года). Они вместе характеризуют процессы расширенного воспроизводства хозяйства, производства средств для жизнеобеспечения и развития, а также динамику потребления домашних хозяйств (населения).

На графике видно, что после восстановительного периода, с 1956 года, неукоснительно выполнялся принятый в СССР принцип плановой экономики – рост капиталовложений превышал рост объема производства, а последний – рост объема потребления. Между этими тремя величинами поддерживался баланс, определяемый Госпланом. Этот баланс, который обеспечивал устойчивое развитие всей системы, нарушился только в 1989–1990 гг. – тогда произошел ускоренный рост *потребления* при одновременном быстром спаде *производства*. Рост инвестиций остановился в 1990 г., после чего произошел глубокий длительный спад – уже в экономике Российской Федерации.

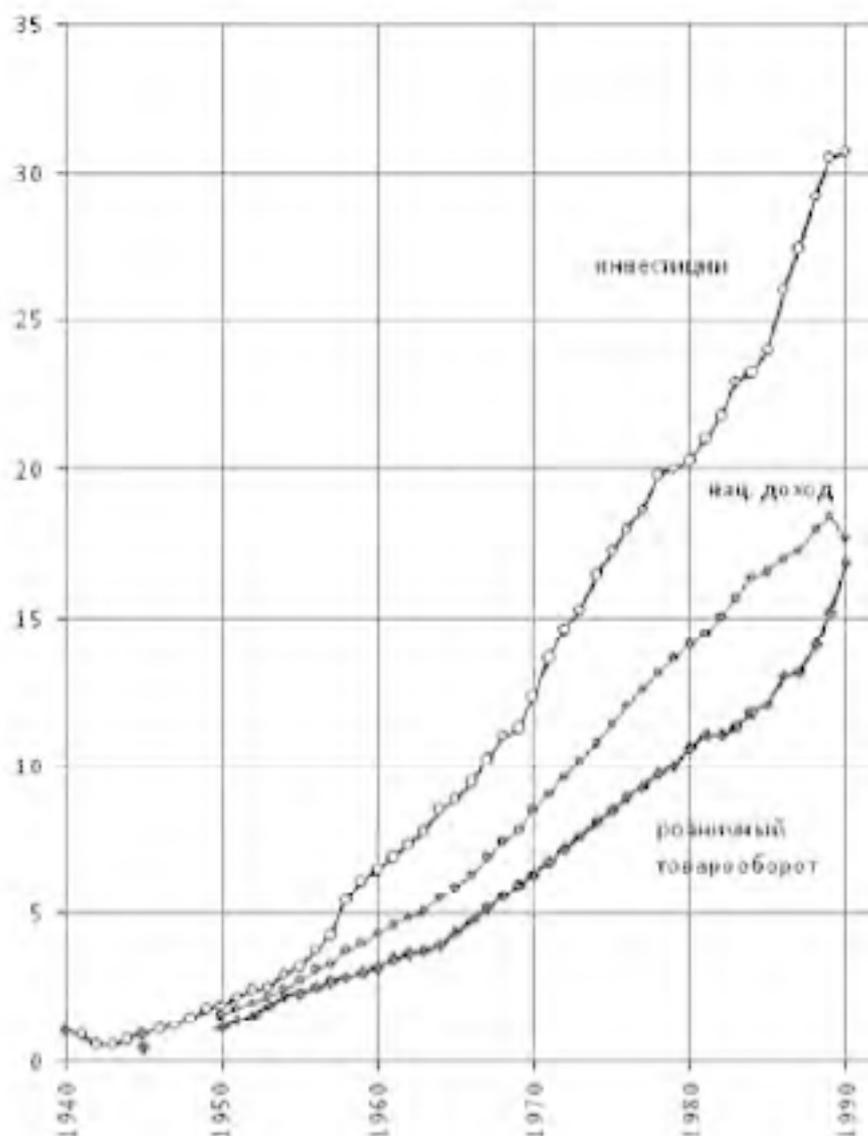

Рис. 1–4. Индексы инвестиций, национального дохода и розничного товарооборота в СССР, 1940 = 1

Итак, динамика инвестиций, производства и потребления не проявила «накануне перестройки» никаких признаков кризиса. Напротив, при кризисе 90-х годов, который якобы пришлось организовать Е. Гайдару, чтобы спасти страну от катастрофы, мы наблюдаем резкое нарушение равновесия между инвестициями, производством и потреблением. Это нарушение привело к «проеданию» инвестиционных ресурсов и основных фондов, а значит, к блокированию развития (рис. 1–5).

На рис. 1–6 показана динамика валового объема промышленного и сельскохозяйственного производства СССР начиная с 1950 г., а также произведенного национального дохода (показателя, который употреблялся в статистике СССР до 1988 г. по аналогии с ВВП). Мы видим неуклонное развитие промышленности без каких бы то ни было признаков кризиса – вплоть до 1990 г.

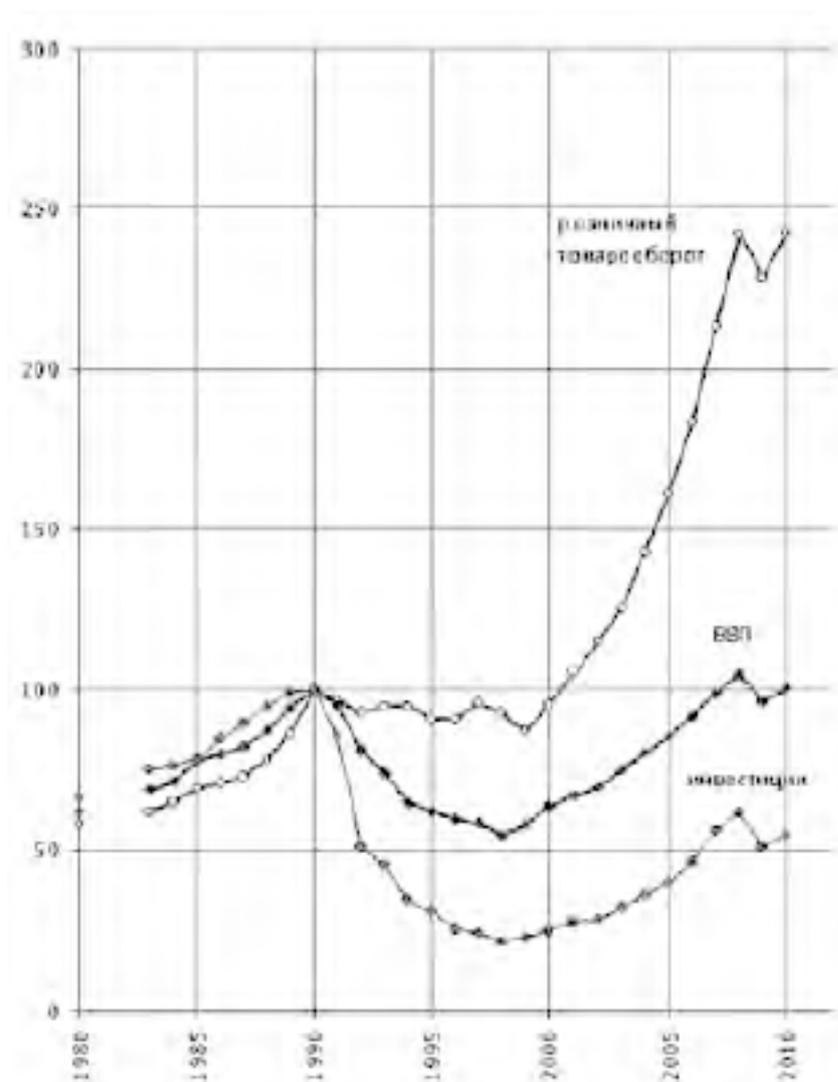

Рис. 1–5. Индексы ВВП, капиталовложений в основные фонды и розничного товарооборота в РСФСР и РФ, 1990 = 100

Сельское хозяйство гораздо сложнее поддается интенсификации, но и здесь колебания показателя связаны с неустойчивостью природных условий, а не с гипотетическим кризисом – о катастрофе и речи нет. За 33 года объем сельскохозяйственного производства вырос **в три раза**. Это очень неплохо, если учесть, что только за 1990–1998 г. объем сельскохозяйственного производства в РФ снизился **в два раза**, а за последующие 11 лет вышел только на уровень 1980 года. За двадцать лет реформ показатель упал на 25 %.

Национальный доход, валовая продукция и капиталовложения – расчетные агрегированные показатели. Некоторые люди им не доверяют, хотя большие искажения в них внести непросто, т. к. все они взаимосвязаны и фальсификация легко обнаруживается. Но все же приведем несколько *натурных* показателей, на динамике которых катастрофический кризис должен был бы сказаться *неизбежно*.

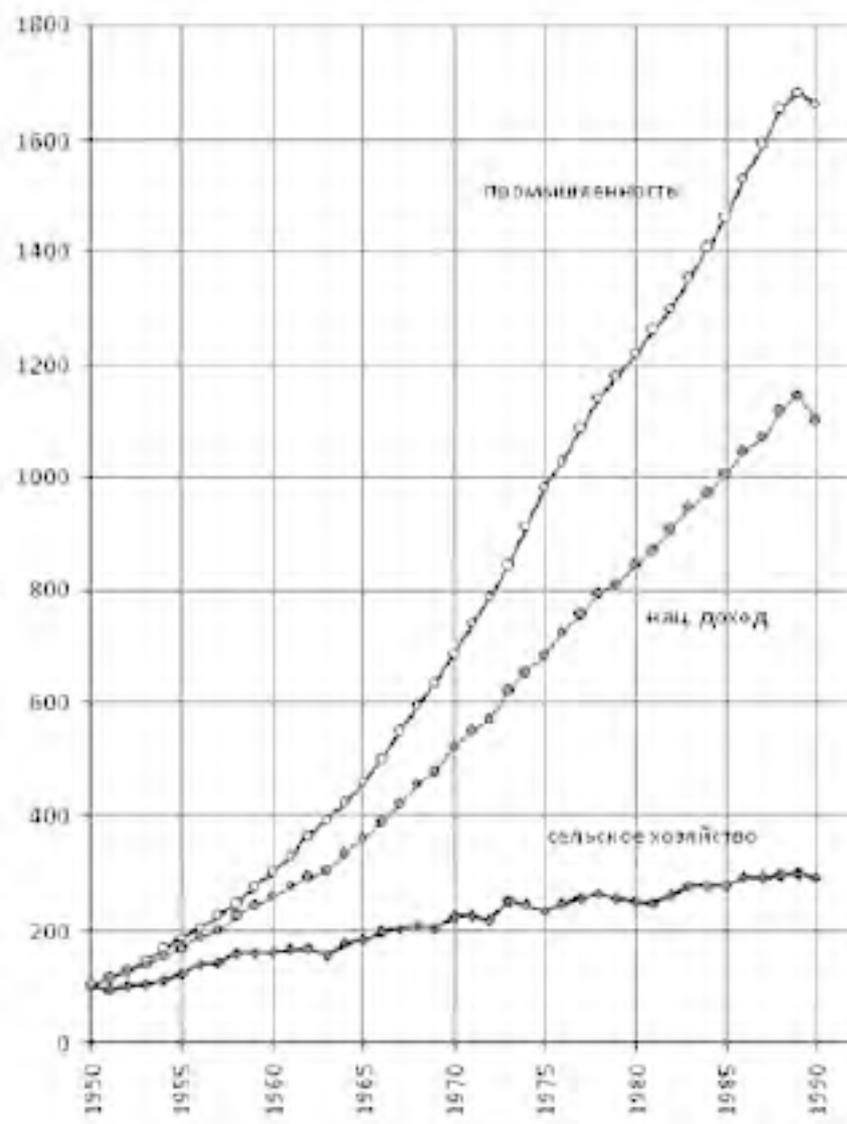

Рис. 1–6. Индексы производства национального дохода, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в СССР (1950 = 100)

Вот один из важных для СССР и России показателей – добыча нефти и природного газа. На рис. 1–7 приведена динамика добычи нефти – до 1990 г. в СССР, а затем в СНГ, в которое вошли все нефтедобывающие республики (добыча газа показана на рис. 3–29).

Из этих рисунков можно сделать важные выводы, которые в годы перестройки и реформы были вытеснены из общественного сознания мифами, но которые необходимы, чтобы трезво оценивать процессы в хозяйственной сфере.

Первый вывод состоит в том, что нефтегазовый комплекс СССР и Российской Федерации *не унаследован* от Российской империи и даже от первых советских пятилеток. Он почти полностью создан за исторически кратчайший срок 1960—1980-е годы.

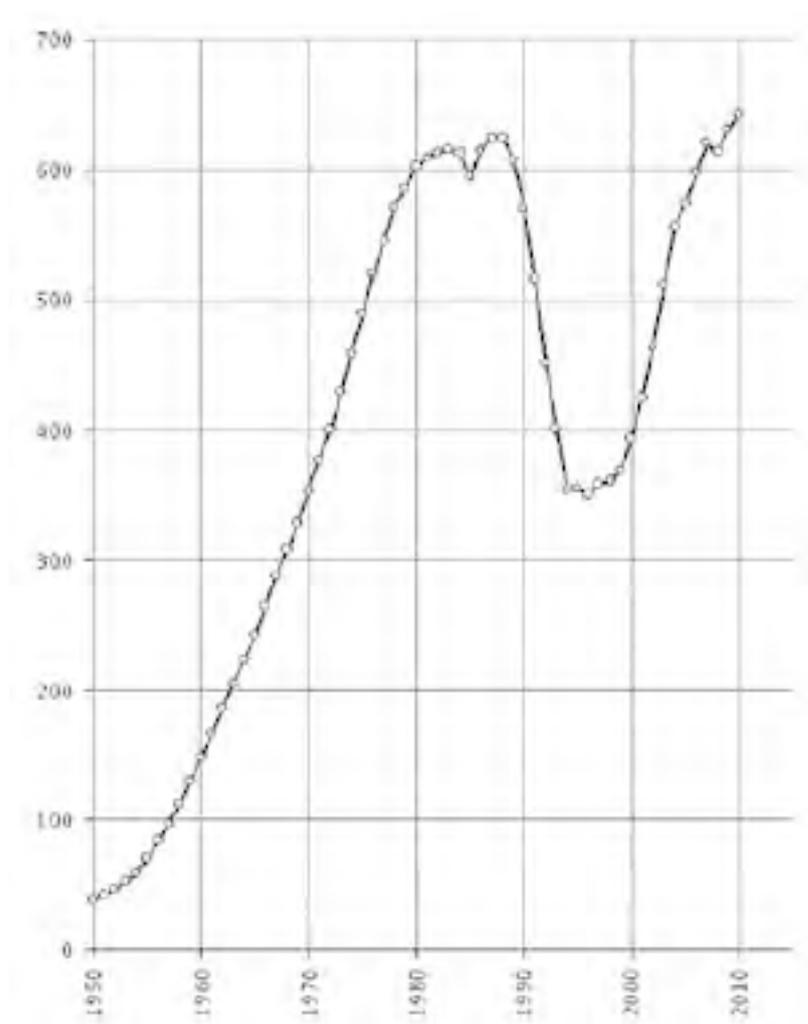

Рис. 1–7. Добыча нефти (включая газовый конденсат) в СССР и СНГ (во всех нефтедобывающих республиках СССР), млн. т

Одно это надежно показывает, что в период «накануне перестройки» никакого катастрофического кризиса в экономике СССР не было, ибо создание производственного комплекса такого масштаба (разведка и обустройство месторождений, создание обеспечивающих производств, строительство магистральных нефте- и газопроводов, распределительных и перерабатывающих систем) было делом *всего народного хозяйства*. Можем ли мы представить себе подобный научно-технический, инвестиционный и строительный проект такого масштаба в 90-е годы или в «эпоху Путина»?

Второй вывод – отсутствие признаков кризиса в самой динамике *добычи нефти*, за исключением *стабилизации* добычи в 1984–1985 годы как реакции на начавшееся падение мировых цен на нефть. Но стабилизация – это не «распад экономики». Если бы в целом народное хозяйство СССР приближалось к коллапсу, внутреннее потребление нефти, а значит и добыча, были бы резко снижены.

Третий вывод заключается в том, что начало реального кризиса есть именно следствие реформ, оно стало очевидным с 1991 года. Этого кризиса невозможно не видеть, но никакой связи с советской экономикой он уже не имеет. Он порожден политической катастрофой, которая ударила по хозяйству.

То же самое можно сказать и о другой системообразующей отрасли советской и российской экономики – производстве *электрической энергии*. Его динамика также не содержит

никаких признаков кризиса в дореформенный период и обнаруживает явный резкий спад в 1991 году (см. рис. 3-33). Важным индикатором состояния экономики служит и производство *цемента* как важнейшего условия для строительства (рис. 3-93). В его динамике наблюдаются небольшие колебания, но признаком тяжелого кризиса они служить никак не могут. И здесь кризисом надо считать резкий глубокий спад производства начиная с 1990 года.

В разделе 3 будет приведено множество других показателей производства ключевых для всего хозяйства материалов и изделий – стали и удобрений, тканей и молока и пр. Все они имеют динамику производства, сходную с приведенными выше. Небольшие (2–3 года) задержки роста обычно связаны с технологическим перевооружением или с управленческими реорганизациями, но не могут служить симптомами общего кризиса.

Здесь надо рассмотреть важную побочную ветвь мифа об экономическом коллапсе СССР. Стало нормой и привычным штампом утверждение, будто советское хозяйство имело «экспортно-сырьевой» характер, отчего теперь страдает Российская Федерация. В Послании Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. Д.А. Медведев сказал, например: «Советский Союз, к сожалению, так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами... Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания» [8].

Прекрасна последняя фраза, но «умной» наша экономика не станет, пока мы не разберемся, каким образом Россия скатилась к «примитивному сырьевому хозяйству», – ведь силы и механизмы, которые ее туда толкнули, продолжают действовать. Их надо выявить и нейтрализовать. Но мы не начнем ничего «выявлять», пока не откажемся от мифа, будто СССР был «сырьевым» гигантом, не определим вес «*индустриальной*» компоненты в советской экономике.

Д.А. Медведев представляет дело так, будто все двадцать лет реформ постсоветская Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», якобы присущую экономике СССР, – но до конца так и не преодолела. Он пишет: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости» [9]. Этот миф воспринят с таким доверием, что приходится поражаться. Он задает неверное определение вектора процесса. В действительности нынешнее «примитивное сырьевое хозяйство» – не наследие прошлого, а именно *продукт реформы*, результат *деиндустриализации* советского хозяйства.

Взглянем на «унижительную сырьевую зависимость» в целом. В ежегоднике «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г» на стр. 32 есть таблица: «Вывоз продукции из РСФСР по отраслям народного хозяйства в 1989 г. (в фактически действовавших ценах)».

Суммируя продукцию отраслей перерабатывающей промышленности и транспортные услуги, получаем, что доля продуктов высокого уровня переработки в вывозе продуктов из РСФСР составляла 77 %. Из них «машиностроение и металлообработка» – 34,7 %. Доля «добывающих» (сырьевых) отраслей – 23 %. Это – максимум, со всеми допущениями в пользу «сырья».

Теперь берем «Российский статистический ежегодник. 2007». На стр. 756 имеется таблица: «Товарная структура экспорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)». В 2006 г. «минеральные продукты, древесина и сырье» составили 70 % экспорта Российской Федерации, а «машины, оборудование и транспортные средства» – 5,8 %.

Но дело даже не в доле сырья в экспорте, а в зависимости всего хозяйства от экспорта (и, таким образом, от экспорта сырья). Сравним два образа – величину экспорта и стоимость годового объема продукта промышленности. В 1986 г. стоимость продукции промышленности в СССР составила 836 млрд. руб., а весь экспорт 68,3 млрд. руб., в том числе в капиталистические страны 13,1 млрд. руб. То есть, экспорт на *мировой рынок* был равен в стоимостном выражении 1,6 % продукта промышленности (экономика СЭВ была кооперирована с СССР,

и экспорт в его страны – другая статья). Но даже если суммировать, то весь экспорт составил 8,2 % продукта промышленности.

Каков же вес экспорта в нынешней России? В 2008 г. продукция промышленности РФ составила 14,6 триллиона руб., а экспорт – 471 млрд. долларов или примерно 14 триллионов руб. – чуть меньше, чем стоимость всей продукции промышленности РФ. При этом 70 % экспорта – сырье. Именно за последние двадцать лет Российская Федерация стала «сырьевым гигантом», а РСФСР была *индустриальной* страной. Мы живем потому, что государство политическими средствами удерживает цены внутри страны на более низком уровне, чем на внешнем рынке, а сырье там сейчас дорого⁵.

Российская экономика не может использовать отечественное сырье для своего развития и для того, чтобы обеспечить рабочими местами свое население – собственникам выгоднее продать сырье за границу, а удовлетворение потребностей внешнего рынка – главный приоритет государства.

Из тезиса о «сырьевой зависимости» СССР выводился и производный от него тезис о том, что «экономика развалилась» потому, что держалась на экспорте нефти, а правящие круги США в 80-е годы обрушили мировые цены на нефть, чтобы лишить СССР валюты и заставить его капитулировать в «холодной» войне.

Этот миф настолько нелеп, что приходишь в отчаяние: как сможет Россия выбраться из нынешней ямы, если ее интеллектуальная элита верит в такие примитивные байки! Ведь, выдвигая такой тезис, любой экономист, историк или политик должен был бы прикинуть в уме, какой *вес* имел экспорт нефти в жизнеобеспечении страны. Например, должен был бы сообщить, какова была доля экспорта нефти в ВВП или в национальном доходе СССР. Эти данные можно получить в любом статистическом ежегоднике.

Приведем эти величины в динамике (рис. 1–8). На нем показана динамика всего экспорта, и величины ВВП (валового национального продукта – показателя, который был введен в 1988 г. и ретроспективно рассчитан до 1985 г. и для 1980 г.).

⁵ Кстати, искажает реальность и вторая часть утверждения Д. А. Медведева – что «Советский Союз не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами». СССР не выдержал *войны* с Западом, причем войны на уничтожение, хотя и «холодной». Война – это вовсе не конкуренция. Если бы нынешняя Россия не унаследовала от СССР продуктов *советского постиндустриализма* (хотя бы в виде ракетно-ядерного оружия), то сегодня она вся была бы превращена в «сырье» уважаемыми «постиндустриальными обществами».

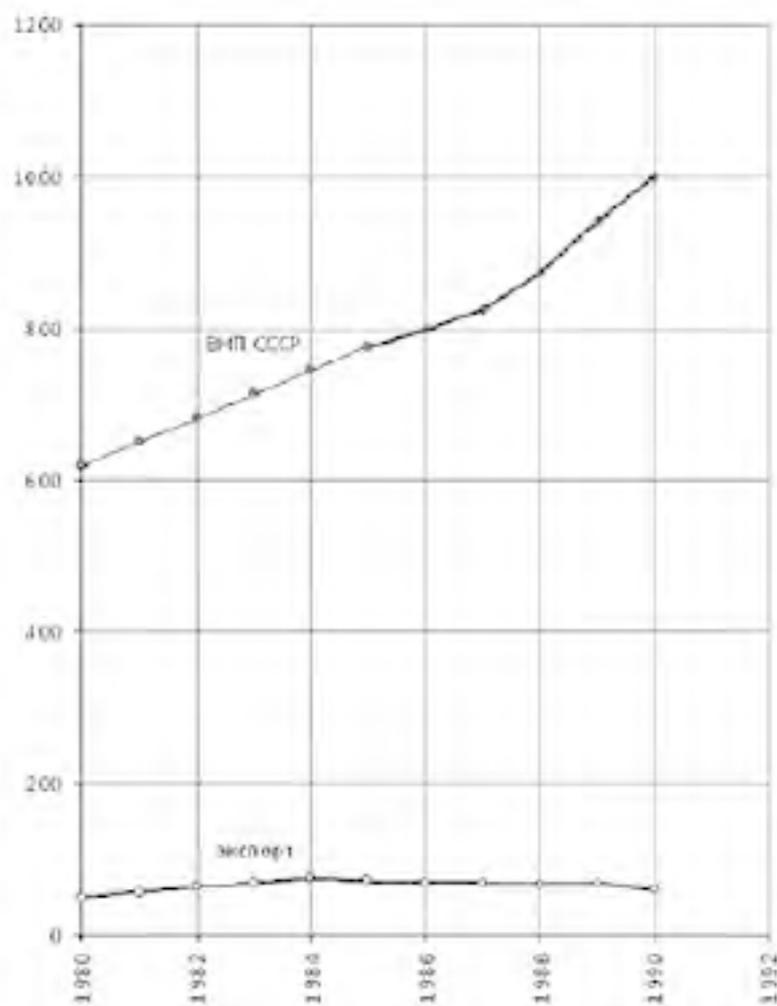

Рис. 1–8. Динамика ВВП и экспорта СССР в действующих ценах, млрд. руб.

Из рисунка видно, что доля экспорта в ВВП была очень невелика, и колебание цен на мировом рынке не могло сказаться на состоянии экономики в целом. Если же взять конкретно экспорт нефти, то его вес в экономике совсем невелик. Согласно Госкомстату СССР, в 1988 г. весь экспорт из СССР составил 67,1 млрд. руб. Экспорт **топлива и электричества** составил 42,1 % всего экспорта или 28,2 млрд. руб. В 1988 г. ВВП СССР составил 875 млрд. руб. Таким образом, **весь экспорт топлива и электричества составил 3,2 % от ВВП**. Основная его часть (две трети) направлялась в социалистические страны по долгосрочным соглашениям, экспорт энергоносителей на конвертируемую валюту составил всего 1,03 % от ВВП СССР (в долях валового общественного продукта это 0,59 %⁶). Очевидно, что не могло **сокращение** экспорта нефти привести к краху экономику «индустриально-сырьевого гиганта» СССР!

Поразительный факт: образованные люди делают такие заявления, но даже не думают об обязанности аргументировать их конкретными данными. А сидящие в зале не менее образованные люди и не думают спросить у докладчиков этих данных. Это и говорит, что перед нами собрание, мыслящее в структуре мифа.

Вот выдержка из доклада на «круглом столе» Фонда исторической перспективы в МГУ 26 июня 2007 г. На «нефтяном мифе» строится в этом докладе объяснение чуть ли не всей

⁶ Возможно, для СССР 1988 года валовой общественный продукт – более близкий аналог ВВП, чем ВВП.

мировой истории в послевоенный период: «Начало было положено в середине 50-х, когда египетский лидер Гамаль Абдель Насер убедил Хрущева, что нужно рушить, ломать об колено реакционные арабские режимы и необходимо поэтому выбрасывать по дешевке нефть в огромных количествах. Но режимов сломали всего два, это Ирак и Ливия. Зато цены на нефть обрушили очень сильно. И в результате, например, немецко-японское чудо очень тесно связано с советским обрушением цен на нефть в 50—60-х годах. Это стало результатом того, что Советский Союз решил крушить реакционные арабские режимы. Дальше мы подсели на нефтяную иглу, и началась мутация нашей ВПКовской модели в нечто другое, что и закончилось в конце 80-х годов крушением Советского Союза. К 1986 году, когда США обрушили цены на нефть, было проедено советское прошлое» [10].

Можно фантазировать о том, как Насер убедил Хрущева, что нужно ломать об колено арабские режимы – никто эту экстравагантную версию проверить не может. Но чтобы СССР в 50-е годы мог «выбрасывать по дешевке нефть в огромных количествах», проверить нетрудно. Это утверждение за пределами рациональности. Докладчику стоило взять с полки справочник и посмотреть, сколько нефти добывалось в 50-е годы в СССР.

В 1950 г. мировая добыча нефти составила 525 млн. т, а добыча в СССР 38 млн. т – 7 % от мировой добычи. При такой добыче СССР мог «выбросить» на внешний рынок не более 1–2 млн. т нефти, а это величина для мирового рынка ничтожная. Смешно говорить о том, чтобы она могла «обрушить цены». В 1960 г. на экспорт было отправлено 17,8 млн. т нефти, что составило 12 % добычи нефти в СССР, но при этом 2/3 экспорта было направлено не на свободный рынок, а в страны социалистического лагеря. А мировая добыча нефти составила уже 1 млрд. т.

Печально, что историки не знают, когда произошло становление современного нефтедобывающего комплекса в СССР. Но даже в 1980 г., когда нефтедобыча в СССР подошла к максимуму, экспорт из СССР минерального топлива и аналогичных ему товаров составлял лишь 5,4 % всего мирового экспорта. Не мог ни Хрущев, ни даже Брежнев обрушить цены на мировом рынке. И такие фантастические гипотезы преподносятся как очевидный факт, не требующий объяснения. Вдумайтесь: «Режимов сломали всего два, это Ирак и Ливия. Зато цены на нефть обрушили очень сильно. И в результате немецко-японское чудо очень тесно связано с советским обрушением цен на нефть в 50-х – 60-х годах»!

Теперь о том, будто «мы подсели на нефтяную иглу, что и закончилось в конце 80-х годов крушением Советского Союза». Таково состояние российского обществоведения: известный историк делает заявление, якобы раскрывающее причину краха СССР, и не приводит никакой меры, чтобы оценить «вес» этой причины! И такая структура рассуждения принимается сообществом без возражений. Докладчик не посмотрел даже простых обзоров нефтяного рынка, иначе бы он привел конкретные данные⁷.

Накануне «обрушения цен» экспорт нефти и нефтепродуктов в долларовую зону принес СССР доход, равный 46 долларам на душу населения в год. Это называется «сесть на нефтяную иглу»? Даже в потере чувства меры надо знать меру. А вот Российская Федерация в 2008 г. Экспорт нефти и нефтепродуктов составил 241 млрд. долларов или 1697 долларов на душу населения (не будем уж говорить, как этот доход был разделен среди населения). Это в 37 раз больше, чем доход на душу населения в СССР, и уже реально означает «сесть на нефтяную

⁷ Там же в МГУ на конференции историков в 2002 г. был заслушан доклад М.В. Славкиной «Развитие нефтегазового комплекса СССР в 60-80-е гг.: большие победы и упущенные возможности». В нем приведена фактическая справка, которая гласит: «По данным официальной статистики, экспорт нефти и нефтепродуктов вырос с 75,7 млн. т в 1965 г. до 193,5 млн. т в 1985 г. При этом экспорт в долларовую зону, по нашим оценкам, составил соответственно 36,6 и 80,7 млн. т... Зная среднемировые цены, мы можем дать приблизительную оценку доходов СССР от экспорта углеводородного сырья в долларовую зону. По произведенным нами математическим расчетам, эта цифра, составлявшая в 1965 г. порядка 0,67 млрд. долл., увеличилась к 1985 г. в 19,2 раза и составила 12,84 млрд. долл.».

иглу». Здесь обрушение цен потрясает все хозяйство, а в СССР такое обрушение означало сокращение дохода с 46 долларов в год до 30. Это в масштабах экономики была малозаметная флуктуация. В период с 1975 до конца 80-х годов СССР ежегодно экспортировал «в развитые капстраны» около 30 млн. т нефти в год. Это не порождало крупного риска, который могут создать колебания цены со снижением на треть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.